

1

Мариам было пять лет, когда она впервые услышала слово *харам*.

Судя по всему, случилось это в четверг. Уж очень не по себе ей было, она просто места себе не находила. Ведь по четвергам к ним приходил Джалиль. Чтобы скоротать время (вот-вот он появится, помашет издали рукой, подойдет, по колению в высокой траве), Мариам забралась на стул и взяла с полки матушкин китайский чайный сервиз, единственную память после бабушки, матушкиной мамы, которая умерла, когда Мариам было два годика. Нана, мама Мариам, надыхаться не могла на бело-голубые фарфоровые чашки в птицах и хризантемах, на чайник с благородно изогнутым носиком, на сахарницу с драконом, призванным отгонять силы зла.

Сахарница-то и выскользнула у Мариам из рук. Упала на деревянный пол и разбилась.

Когда Нана увидела осколки, лицо у нее побаловело, верхняя губа задрожала, а глаза, обычно томные и добрые, так и впились в Мариам. Девочка

перепугалась, что в мать опять вселился *джинн*. Но нет, обошлось. Нана только схватила дочку за руки, сильно дернула и прошипела сквозь стиснутые зубы:

— Дура неуклюжая. Вот мне награда за все, что я перенесла. Все у этой маленькой *харамии* из рук валится. Такую ценную вещь разбила.

Тогда Мариам не поняла. Слово *харамии* — выблюдок — было ей незнакомо. Не могла она по малости лет оценить всю несправедливость мерзкого ругательства — ведь уж наверное, вина лежала на тех, кто произвел ее на свет, а не на ней самой. Мариам только догадывалась, что это очень плохое слово и означает оно что-то гадкое, вот вроде тараканов, которых Нана с бранью выметала за порог.

Сделавшись постарше, Мариам поняла. В тоне матери сквозило такое отвращение, что стало ясно: *харамии* (то есть сама Мариам) — существо нежеланное, никому не нужное, не имеющее, в отличие от других людей, никаких прав. Любовь, семья, дом — все это не для нее.

Джалиль никогда не обзывал так Мариам. Джалиль ласково обращался к ней «мой цветочек». Он усаживал ее к себе на колени, рассказывал про Герат — город, в котором Мариам родилась в 1959 году, колыбель персидской культуры, родной дом для писателей, художников и суфиев*.

— Тут шагу нельзя ступить, чтобы ненароком не пнуть в зад какого-нибудь поэта, — смеялся он.

* Суфизм — мистическое течение в исламе о познании Бога через мистическую любовь; для суфиев характерны озарения, экстаз, достигаемый путем танцев или бесконечного повторения молитвенных формул, умерщвления плоти.

Джалиль поведал ей про царицу Гохар-Шад, которая в знак любви к Герату воздвигла в пятнадцатом веке великолепные минареты. Он рассказывал Мариам про пшеничные поля Герата, фруктовые сады, тучные виноградники, многолюдные базары.

— Представляешь, растет себе фисташковое дерево, — как-то сказал Джалиль, — а под ним, Мариам-джо, похоронен не кто-нибудь, а сам великий поэт Джами*. — Джалиль наклонился к девочке поближе и прошептал: — Я тебе как-нибудь покажу это дерево. Джами жил больше пятисот лет тому назад. Так давно, что ты и не помнишь. Ты ведь еще маленькая.

Мариам и правда не помнила. И хотя первые пятнадцать лет своей жизни она прожила у самого Герата — рукой подать, — обещанное дерево ей увидеть так и не довелось. И рядом с минаретами она не стояла, не рвала плоды в знаменитых садах, не гуляла вдоль пшеничных полей. Но рассказы Джалиля она слушала словно зачарованная, и восхищалась глубиной и обширностью его познаний, и гордилась своим отцом до сладкой дрожи.

— Что за небылицы! — ворчала Нана, когда Джалиль уходил. — У богатея хорошо язык подвешен. Никакого дерева он тебе не покажет. И не слушай его медовых речей. Он предал нас, твой любимый папочка. Выкинул вон. Выбросил из своего большого роскошного дома, будто мы ему чужие. И глазом не моргнул.

* Абдурахман Нуриддин ибн Ахмад, прозванный Джами (1414—1492), — персидский и таджикский поэт и философ-суфий. Его стихи — о достоинстве человека, об идеалах добра, справедливости и любви как движущей силе Вселенной.

Мариам молчаливо-покорно выслушивала мать, хотя худых слов о Джалиле терпеть не могла. Ведь рядом с ним она уже не была харами. Один-два часа в неделю по четвергам, когда он приходил к ней, нередко с подарками, рассыпая улыбки и ласки, она по праву наслаждалась всей красотой и изобилием жизни. И за это Мариам обожала Джалиля.

И неважно, что отца приходилось делить с другими.

У Джалиля было три жены и девять детей, законных детей. Никого из них Мариам в глаза не видала. Джалиль — один из самых богатых людей в Герате — держал свой кинотеатр, в котором Мариам не была ни разу в жизни. Правда, Джалиль по настоянию дочери подробно описал его. Она знала, что снаружи здание облицовано голубым и коричневым кафелем, а в зале есть укромный балкон с креслами, которым Джалиль может пользоваться по своему усмотрению. Она знала, что в вестибюль, украшенный яркими афишами индийских фильмов, ведут двойные двери, открывающиеся в обе стороны, а по вторникам в буфете детям бесплатно раздают мороженое.

Когда Джалиль рассказывал про дармовое угощение, Нана только кротко улыбалась. А вот когда он удалился, она горько засмеялась:

— Чужие дети едят мороженое. А тебя он чем потчует, Мариам? Побасенками?

Кроме кинотеатра Джалилю принадлежали участки земли в Карахе и Фаре, три магазина ковров, один — готовой одежды и автомобиль «бьюик» 1956 года выпуска. И связи у него были. Среди его

друзей числились мэр Гёрата и губернатор провинции. Само собой, у Джалиля имелись слуги, повар и шофер. И целых три служанки.

Одной из его служанок была и Нана.

Пока живот у нее не округлился.

По словам Наны, когда это случилось, все семейство Джалиля раздулось от возмущения. Весь воздух в городе в себя всосали. В Гёрате прямо нечем стало дышать. Чуть до кровопролития дело не дошло. Жены требовали прогнать негодную. Родной отец, резчик по камню из деревни Гуль-Даман, отрекся от Наны, собрал пожитки, погрузился в автобус и укатил в Иран. И ни слуху о нем с тех пор, ни духу.

— Порой мне кажется, — сказала Нана как-то утром, задавая корм курам, — что лучше бы мой отец наточил как следует нож и совершил, что велит честь. Избавил бы меня от мучений. — Она кинула птицам еще горсть зерна, помолчала и поглядела на Мариам: — И тебя тоже. Каково тебе приходится, незаконнорожденной. Но он был трус, мой отец. У него духу не хватило.

У Джалиля тоже духу не хватило. Он не пошел против родни, против жен, не взвалил на себя тяжкую ношу. Все было проделано тайком, за закрытыми дверями. Собирайся, дорогая, и очисти помещение.

— Знаешь, что он сказал женам в свое оправдание? Что это я во всем виновата. Я его соблазнила. Представляешь? Каково приходится женщине в земной юдоли!

Нана поставила чашку с зерном на землю и схватила Мариам за подбородок:

— Посмотри на меня.

Мариам нехотя подняла глаза.

— Запомни хорошенько, дочка, у мужчины всегда виновата женщина. Во всем. Никогда не забывай об этом.

2

— Джалиль и его жены видели во мне что-то вроде чертополоха. Бурьяна-чернобыльника. Да и в тебе тоже. Ты еще и родиться-то не успела, а уже удостоилась презрения.

— Что такое чертополох? — спросила Мариам.

— Сорная трава, — ответила Нана. — Ее надо пропалывать. И вон из поля.

Мариам тайком насупилась. Чтобы Джалиль относился к ней как к сорняку! Да никогда такого не было! Но она почла за благо промолчать.

— Другое дело, что меня как-никак надо кормить-поить. Ведь у меня на руках ты. Ну уж насчет этого он с семейством договорился.

По словам Наны, в Герате она жить не захотела.

— Чего ради? Смотреть, как он разъезжает по городу со своими женами?

В пустой дом отца в деревню Гиль-Даман, на крутой склон горы (километра два к северу от Герата), Нана тоже не поехала. Ей хотелось пере-

браться в какое-нибудь укромное уединенное место, где соседи не будут пялиться на ее живот, показывать пальцем, хихикать или, что еще хуже, приставать с деланным сочувствием.

— Ты уж поверь мне, — говорила Нана, — твоему отцу не терпелось сплавить меня с глаз долой.

Это Мухсин, старший сын Джалиля от первой жены Хадиджи, нашел недалеко от Гүль-Дамана подходящее место — немалую проплешину в зарослях. От гератского шоссе вверх по склону, меж высокой травы и цветов, змеей ползла грязная, разъезженная повозками дорожка и выводила на плоскогорье. Здесь шумели тополя, краснели маки, слева внизу виднелись ржавые крылья деревенской ветряной мельницы, а по правую руку открывался вид на Герат. Дорожка упиралась в бурный поток, полную форели речку, стекавшую с гор Сафедкох*, со всех сторон окружавших Гүль-Даман. В паре сотен метров выше по течению, посреди рощицы плакучих ив, проступала поляна.

Джалиль лично отправился на место. А когда вернулся, тон у него был, словно у тюремщика, расхваливавшего вверенное его заботам узилище.

— И твой отец соорудил нам эту крысиную нору.

В пятнадцать лет Нана чуть было не вышла замуж за юного торговца попугаями из Шинданда. Мать рассказывала об этом нарочито равнодушно, однако глаза у нее лучились радостью. И ей выпало несколько счастливых дней. Пусть они пролетели быстро.

* Герат лежит в отрогах хребтов Сиахкох и Сафедкох.

Сидя на коленях у Наны, Мариам старалась вообразить матушку в свадебном наряде, верхом на лошади, зеленая вуаль скрывает смущенную улыбку, кулачки выкрашены хной в красный цвет, на заплетенных в косички волосах сверкает серебряная пудра. Девочка представляла себе музыкантов, дующих во флейты *шахнай* и бьющих в барабаны *дохол*, уличных мальчишек, с радостным визгом несущихся за лошадью.

До свадьбы оставалась какая-то неделя, когда в Нану вселился джинн. Мариам не понаслышке знала, что это такое. Мать вдруг валилась на пол, тело ее выгибалось, глаза закатывались, руки и ноги начинали мелко трястись, на губах показывалась пена, порой розовая от крови. Потом наступало забытие, а очнувшись, Нана не сознавала, где она и что с ней, и только что-то нечленораздельно бормотала.

Когда про это прознали в Шинданде, родные торговца попугаями отменили свадьбу.

— Перепугались до смерти, — заключала Нана. Свадебный наряд пришлось спрятать подальше.

На поляне Джалиль с двумя сыновьями — Фархадом и Мухсином — построили небольшую саманную хижину с одним окном, именуемую *колба*, в которой Мариам прожила первые пятнадцать лет своей жизни. Две койки, деревянный стол, два стула с прямыми спинками, полки, на которых Нана расставила глиняные горшки и свой обожаемый китайский чайный сервиз, — вот и вся обстановка. Джалиль установил в домике новую чугунную печь и заготовил на зиму дрова — поленица была сложена сразу за хжиной. Рядом с домом еще имелся

тандыр для выпечки хлеба, выгородка для кур и загон для коз. В сотне метров за ивами Фархад и Мухсин выкопали глубокую яму и сколотили нужник.

По словам Наны, для постройки домика Джалиль мог нанять рабочих, но не стал.

— Это он так себе представляет покаяние.

Как утверждала Нана, Мариам она рожала в полном одиночестве. Был 1959 год, 26-й год почти безоблачного сорокалетнего правления короля Захир Шаха, стоял пасмурный и сырой весенний день. Джалиль якобы не потрудился пригласить врача или даже повитуху, хотя знал, что джинн может нагрязнуть в любую минуту, невзирая на роды. Вся в поту, она лежала на полу хижины совершенно одна, только нож под рукой.

— Когда боль делалась нестерпимой, я впивалась зубами в подушку и орала, пока не потеряла голос. И некому было вытереть мне лицо, некому подать воды. А ты, Мариам-джо, и не думала двигаться. Почти два дня провалялась я на жестком холодном полу, не ела, не спала, только тужилась изо всех сил и возносила молитвы, чтобы ты наконец вышла из меня.

— Прости меня, Нана.

— Пуповину я перерезала сама. Вот зачем со мной был нож.

— Прости.

Нана только слабо улыбалась в ответ. Непонятно было, прощает она дочь или, напротив, до сих пор помнит зло. Хотя как можно всерьез просить прощения за боль, причиненную матери, когда она тебя рожала!

Годам к десяти Мариам уже больше не верила рассказам Наны об одиноких родах. Слова Джалиля казались ей более убедительными. А он говорил, что сам был в отлучке, но до отъезда отправил Нану в госпиталь в Герат, где она пребывала в чистой светлой палате под наблюдением врача, и только печально качал головой, когда Мариам рассказывала ему про нож.

Мариам очень сомневалась и относительно двух дней.

— Мне сказали, роды не заняли и часа, — говорил Джалиль. — Ты послушная дочь и всегда старалась не огорчать родителей, Мариам-джо. Даже когда только появлялась на свет.

— Его здесь даже не было! — возмущалась Нана. — Он обретался в Тахти-Сафаре*, катался на лошади со своими драгоценными друзьями.

По словам Наны, когда Джалилю сказали, что у него родилась еще одна дочь, он только плечами пожал, продолжая расчесывать гриву лошади. И проторчал в Тахти-Сафаре еще две недели.

— Он на руки-то тебя впервые взял, когда тебе уже исполнился месяц. Взглянул разок, сказал: «Какое у нее длинное лицо» — и передал обратно мне.

В это Мариам тоже не верила. Да, Джалиль признавал, что ездил на лошадях в Тахти-Сафаре. Но на весть о рождении ребенка он и не думал пожимать плечами, а вскочил в седло, прискакал обратно в Герат, покачал девочку на руках, погладил по бровкам и спел колыбельную. Мариам представить себе не могла, чтобы Джалиль сказал: «Какое у дочки длинное лицо». Хотя оно и правда было длинновато.

* Древний парк неподалеку от Герата.

Нана говорила, что назвала девочку в честь своей матушки. Джалиль утверждал, что это он выбрал ей имя. Мариам — так называется очень красивый цветок, тубероза.

— Твой любимый? — уточняла Мариам.

— Из самых любимых, — улыбался в ответ Джалиль.